Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Карпатская пастораль

16.11.2022.

Карпаты, река Бялка - не она ли унесла Маричку? Photo © Łukasz Goryl

Постоянные читатели Нашей Газеты знают, что еще в 2018 году издательство L’Age d’Homme, основанное Владимиром Димитриевичем, передало в собственность издательства Noir sur Blanc каталог «Славянская классика». Речь шла в буквальном смысле о воскрешении уникального собрания, основное место в котором занимают произведения восточноевропейских авторов. Тогда же глава издательства Noir sur Blanc Вера Михальски-Хоффманн пообещала, что содержащиеся в каталоге произведения будут переизданы под новой обложкой с особым указанием основателя коллекции и станут отдельной серией издательства Noir sur Blanc, входящего в группу Libella. Разумеется, так и произошло, и с тех пор мы исправно информировали вас о появляющихся переизданиях, среди которых были «Серебряный голубь» Андрея Белого, «Огненный ангел» Валерия Брюсова, «Крысолов» Александра Грина, «Бич божий» Евгения Замятина и ранее не публиковавшиеся мемуары Анатолия Мариенгофа «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги». Думаем, некоторые из возрождаемых книг оказались «хорошо

забытым старым», а то и вообще открытием не только для швейцарских, но и для отечественных читателей.

Возможно, к таковым относится и повесть «Тени забытых предков», написанная в 1911 году классиком украинской литературы Михайло Коцюбинским (1864-1913). Это название ничего вам не говорит? А если мы подскажем, что именно по этой книге Сергей Параджанов снял в 1964 году на киностудии им. А. Довженко свой одноименный гениальный фильм, посвященный столетнему юбилею Коцюбинского? В списке ста лучших украинских фильмов по версии кинокритиков, составленном в 2021 году, этот фильм занял первое место.

В иностранном прокате этот киношедевр, получивший тринадцать международных премий, вышел под названием «Огненные кони». Под этим же названием появился и французский перевод повести, блестяще сделанный Жаном-Клодом Маркаде и впервые вышедший в 2001 году в издательстве L’Age d’Homme, а теперь, повторно, в издательстве Noir sur Blanc.

Любознательный франкоязычный читатель, зайдя в книжный магазин и взяв руки книгу неизвестного ему автора, прочитает на заднике ее краткое содержание: «Иван и Маричка, дети из враждующих родов, любят друг друга любовью, запрещенной традициями карпатских гуцулов. Трагедия их судьбы – смерть Марички в результате несчастного случая, а затем и Ивана, затравленного колдуном – рассказана в форме, близкой к мифу, переносящей нас в мир, где примитивные силы сосуществуют с полуязыческим, полухристианским сообществом людей». (Кстати, возможно, именно схожесть с собственной жизнью подала Сергею Параджанову идею экранизировать повесть: еще в студенческие годы он пережил трагедию, когда трагически погибла его жена, вышедшая за него замуж без согласия своих родителей.)

«Очередная версия "Ромео и Джульетты"», подумает читатель, но, заинтригованный, залезет в Гугл посмотреть, кто же такие гуцулы. И выяснит, что гуцулы – это субэтническая группа украинцев, проживающая в Карпатах на территории Покутья, Буковины и Марамуреша, поделённой между Украиной и Румынией. По данным первой Всеукраинской переписи населения 2001 года, 21400 жителей Украины указали свою принадлежность к этой этнографической группе.

Конечно, тема трагических последствий запретной любви важна в повести – с той разницей, что герои Коцюбинского, в отличие от шекспировских, сражаются не на шпагах, а на кулаках и топорах. Однако, на наш взгляд, главная – не она, а великолепная природа Карпат и быт гуцулов, основными занятиями которых издавна были горно-пастбищное скотоводство, лесные промыслы, сплав леса по горным рекам и пчеловодство. «На далеких холмах одиноко стояли тихие гуцульские дворы, вишневые от пихтового дыма, которым они насквозь прокурились, острые крыши оборотов с пахучим сеном, а в долине кудрявый Черемош сердито поблескивал сединой и мерцал под скалою недобрым зеленым огнем. Переходя поток за потоком, минуя хмурые леса, где иногда звякал колоколец коровы или белка осыпала с пихты шелуху от шишек, Иван подымался все выше. Солнце начинало печь, и каменистая тропинка натирала ноги. Теперь уже хаты попадались реже. Черемош серебряной нитью протянулся в долине, и шум его сюда не доходил. Леса уступали место горным лугам, мягким и пышным. Иван брел среди них, по озерам цветов, нагибаясь иногда,

чтобы украсить кресаню пучком красного мха или бледным венком из ромашек. Склоны гор уходили в глубокие черные чащи, где рождались холодные потоки, куда не ступала человеческая нога, где нежился только бурый медведь — страшный враг скота — «вуйко». (Перевод с украинского Н. Ушакова.)

Из незначительных, казалось бы, деталей, словно из кусочков пазла складывается представление об укладе той уже далекой от нас жизни «забытых предков». Читатель узнает, что семьи гуцулов были многодетными: Иван – девятнадцатый из двадцати детей, но большинство его сестер и братьев умерли в детском возрасте. Что если девочка-гуцулка ходила с заплетенными косичками, это означало, что она готовилась стать невестой. Что, по поверьям гуцулов, достаточно носить на голом теле заговоренный знахаркой чеснок, чтобы не забеременеть. Что приходившие в дом гости «садились за резной стол, тяжелые в своей овчинной одежде, и угощались свежей мамалыгой и ряженкой, такой острой, что от нее облезал язык». Что трембита – народный духовой музыкальный инструмент гуцулов, род деревянной трубы длиной до четырёх метров, обернутой берёзовой корой, без вентилей и клапанов – использовалась для передачи сигналов на дальние расстояния, звучала в Рождество, а чабаны в полонинах сообщали с ее помощью о своём местонахождении с отарой в горах или подавали сигнал тревоги: в повести Михайло Коцюбинского она возвещает смерть, в том числе, и смерть Ивана. И что традиционное приветствие «Слава Иисусу» отлично сочеталось у гуцулов с языческими обрядами и многочисленными суевериями.

Еще в большей степени наполнена элементами сказки вторая любовная линия – жены Ивана Палагны и деревенского колдуна с вполне обычным именем Юра. Можно, конечно, осуждать Палагну за измену, но, с другой стороны, какая женщина устоит перед мужчиной, который на ее глазах побеждает грозовое облако?! Да и не могла она не чувствовать, что нет у Ивана любви к ней: они были что называется «крепкой парой», но он видел в ней лишь хорошую хозяйку, а детей им заменил скот. «Любил ли он Палагну? Такая мысль никогда не приходила ему в голову. Он – хозяин, она – хозяйка. И хотя детей у них не было, зато была скотинка – чего больше?», пишет Коцюбинский, и кто бросит камень в женщину, пошедшую за тем, кто посулил ей нечто большее?

Недаром же, узнав об измене, околдованный Юрой Иван приходит на место, откуда река унесла Маричку, единственную его настоящую любовь, и забредает в лес, ведомый принявшей обличье Марички ундиной. Печаль наполняет его сердце, тоскует душа, и предается он мыслям вполне в духе Шекспира: «Что наша жизнь? Вспышка в небе, цвет черешни… хрупкая и короткая…»

При чем же тут кони, спросит не успевший еще прочитать книгу читателей? А при том, что в этой повести о любви и смерти кони появляются там, где появляется смерть, и мчатся куда-то, словно унося с собой отлетевшую душу…

Каждый новый прочитанный текст часто вызывает сравнения с другими, вот и читая Коцюбинского, вспоминаешь лучшие страницы Пришвина и Паустовского. Но странным образом, повесть эта вызывает не только литературные, но и яркие музыкальные ассоциации – с «Весной священной» Стравинского, «Ундиной» Чайковского, «Пасторальной» симфонией Бетховена… Интересно, какие ассоциации возникнут у вас, дорогие читатели?

украинская литература

украинская литература на французском

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/karpatskaya-pastoral*